

Имущи богатство милосердия
неоскудное, всем концем земли
простираеши руку помощи, Вла-
дычице: болящим — исцеление,
страждущим — ослабу, слепым —
прозрение и всем вся по коегождо
потребе подаеши.

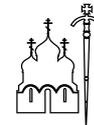
*Из Акафиста Покрову
Пресвятой Богородицы*

Василий КОСТЕРИН

ОМОФОР НАД МИРОМ

ЧЕНСТОХОВСКАЯ
ЧУДОТВОРНАЯ

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2018

УДК 242
ББК 86 372
К721

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-804-0154

Костерин В.

К721 Омофор над миром: Ченстоховская чудотворная. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. — 432 с.

Книга в художественной форме рассказывает многовековую историю чудотворного образа Пресвятой Богородицы, который до последнего времени оставался в тени таких великих святынь, как Владимирская, Казанская, Иверская иконы Божией Матери, хотя он прославился чудесами ещё в Древней Руси. В центре повествования — прославленная икона, но, конечно, вокруг неё и перед ней живут и молятся люди: священники, верующий народ, иконописцы, через неё совершаются чудеса и исцеления. Читатель побывает в Древней Руси, в Польше, в Венгрии, узнает, как подчас неожиданно складываются судьбы героев произведения, которые живут под святым омофором Божией Матери и покровительством Её Ченстоховского образа.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018
© Лепехин В. В., текст, 2018

ISBN 978-5-88017-692-2

ЧЕНСТОХОВСКАЯ ПРИОТКРЫВАЕТСЯ, ИЛИ МОНАХ, ПИСАТЕЛЬ, ПОДПОЛКОВНИК И СЕРЖАНТ

В храме сумрачно, зябко. Серый январский свет едва пробивается сквозь мутные, запылённые витражи. Из среднего нефа к вошедшим обращается Спаситель, с некоторым натурализмом вырезанный из желтоватого дерева. Он висит на натянутых, как толстые узловатые канаты, руках, ноги в коленях неестественно подогнуты. У Писателя проскальзывает секундная жалость к Распятому.

Вместе с Подполковником они проходят в пристроенную слева часовню, поляки называют её каплицей. Икона, при взгляде на неё от входа, кажется совсем маленькой. Тёплым, мягким светом она притягивает к себе взгляд. Призывает. Образ

закован в серебряный с позолотой оклад. Драгоценные камни переливаются разноцветными отблесками. Писатель и Подполковник подходят как можно ближе, им хочется рассмотреть лик Пречистой Девы. Долго застыло смотрят. Разочарование. Им не нравится всё. Божия Матьерь выглядит усталой пожилой Женщиной.

«А где же Богородица Дева? — думается Писателю, а ныне военному корреспонденту. — В иконе не чувствуется святости. Она наполовину реалистична, а отчасти иконна, вроде наших парсун семнадцатого века. Глаза у Неё слишком узкие, как бы прищуренные, кажутся недобрými; верхние веки словно припухли, а нижние не обозначены совсем, причём, — удивляется Писатель, — левый глаз чуть больше и посматривает немного в сторону. Еле заметное косоглазие не мешает, в определённом ракурсе оно даже привлекательно. Рот выглядит слишком тонким (что не нравилось Писателю ни в жизни, ни в картинах). Посредине же губы сложены забавным бантиком.

Нос будто вырезан из дерева, приклеен к холсту и неумело высветлен самозванным художником. Справа из-под мафория выбивается волнистая, характерная для ренессансных Мадонн, немного кокетливая прядь каштановых волос. И лик — тёмный до черноты».

Не случайно, как просветил гостей отец Сикст, икону называют Чёрной Мадонной. Но больше всего Писателя и Подполковника поражают два продольных шрама на лице Богородицы, словно кто-то несколько раз полоснул по иконе ножом.

Писатель критически разглядывает знаменитый образ, вплоть до мельчайших деталей.

За богатым киотом с иконой виднеется тёмно-синий полог, украшенный серебряным шитьём. Справа и слева возвышаются по три массивных подсвечника с толстыми жёлтыми свечами. Несмотря на январь, перед иконой стоят вазы с нежно-белыми цветами, похожими на королевские лилии. Подойдя ближе, Писатель вновь испытывает разочарование: цветы оказываются искусственными. Он с детства почему-то не любил бумажные цветы. А тут они склоняются перед почитаемым образом. «Как можно приносить в дар Богородице искусственные лилии?! — мысленно удивляется он. — Хотя, конечно, война, разруха, зима. Простительно».

Изображение Младенца тоже не удовлетворяет Писателя. Уж слишком большая разница в возрасте между Ним и Матерью. «Скорее внук, чем сын», — думается ему. Да и мало детского находится в облике восседающего на левой руке Младенца. Потом посещает другая мысль: «Какая же это икона, если написана она на холсте, а не на доске? Или всё же на доске?»

В общем, выходят они с Подполковником разочарованные. Впечатления от иконы у них вроде бы совпали. А тут ещё сержант Митя вставляет своё слово. Оказывается, он сразу же зашёл в храм посмотреть на прославленный образ, ещё до них. Теперь сапёр сидит на одной из обезвреженных авиабомб и командует монахами, которые осторожно переносят бывший смертоносный груз в безопасное место. Сержант встаёт, спокойно,

но чётко прикладывает руку к выцветшей пилотке. Коротко докладывает об успешном разминировании. Не без лёгкой иронии спрашивает:

— Ну как вам монастырская святыня, товарищ подполковник? — и, не дожидаясь ответа, добавляет: — У нас в селе в иконостасе слева Владимирская гораздо лучше нарисована. И светлее, и красивее, и радостнее.

Писатель и Подполковник переглядываются. Да, в России и они видели более светлые и красивые Богородичные иконы. Больше всего их поразило то, что замечание сержанта как бы подтвердило их собственные впечатления от знаменитого чудотворного образа.

Всё же икона непонятно чем притягивала к себе Писателя. Когда он рассказал о своих ощущениях и чувствах отцу Сиксту, тот проронил:

— Не снизошла, не пожелала открыться...

И вот Писатель — снова перед образом. Всего день спустя.

Долго стоит он неподвижно, боясь шевельнуться. Уходит в себя, перестаёт слышать вздохи и молитвенный шёпот монахов, шарканье подошв по полу. Он не знает, сколько времени остаётся в этом состоянии вневременности и даже, кажется, внепространственности. Внезапно он чувствует движение воздуха слева от себя. Скопив глаза, периферийным зрением замечает Подполковника, остановившегося чуть поодаль. Писатель переводит глаза на икону и вздрагивает. Исчезает храм, своды теряются в вышине, и только икона светится перед ним. Словно от чудотворного образа в глаза

Писателя струится светлый, сияющий канал. Так в кинозале, бывает, замечаем над головой идущий из кинобудки и расширяющийся к экрану сноп света, который превращается в подвижную, непрерывно меняющуюся цветную картинку на белом полотне. Икона остаётся иконой, но Божия Мать приближается, молодеет на глазах. Светлеет, наполняется живой жизнью рука, указывающая на Младенца. Даже шевельнулась как будто. Проясняется Её лик, и Она предстаёт как Пречистая Дева, Приснодева. Совсем юная. В нежном возрасте, на переходе от подростка к ранней юности, от девочки к девушке. И выглядит Она удивительно, даже ослепительно красивой. «Как Мадонна на картинах Позднего Возрождения», — формулирует для себя суть превращения-преображения Писатель. Тёмно-карие глаза смотрят одновременно ласково и строго, припухлые губы оживают, и Она словно произносит несколько слов. С закрытыми устами. Но разобрать их, за исключением одного, Писателю не удаётся. И на этом «явление», так позже он назвал случившееся, заканчивается. Светлый канал гаснет, а с иконы опять вглядывается в пространство пожилая Женщина. Взирает пристально, серьёзно, даже сурово. Скопив глаза на Подполковника, Писатель замечает, как тот вздрагивает, отшатывается от иконы, но тут же, качнувшись вперёд, делает еле заметный, на длинную стопу, шагок к образу.

При выходе из храма Подполковник спрашивает:

— Ты видел?

Писатель догадывается, о чём речь.

— Очень молодая, — шепчет он в ответ пропавшим голосом.

— И потрясающе красивая! — восторженно добавляет Подполковник.

— Она что-то промолвила мне, — выдавливают из себя Писатель.

— И мне, — сипит Подполковник и поднимает ладонь к щеке, словно смахивает соринку.

— А на каком языке? — спрашивает Писатель.

— Не знаю, но я всё понял, — глаза Подполковника на мгновение задерживаются на сводах храма.

— А вообще, на каком языке Она говорила при жизни? — Писатель не унимается.

— Кажется, на арамейском, считает учёный народ, — Подполковник явно не расположен обсуждать эту тему.

Если бы Чёрная Мадонна «открылась» только Писателю, ему было бы проще обрести душевное равновесие и спокойствие. Свалил бы всё на усталость или на хитрости монахов. Но Подполковник видел то же самое.

Это случилось на третий день пребывания в монастыре. А перед тем...

Высокого, стройного, молодого, синеглазого подполковника прислал в город маршал Конев. Так в монастыре стало два подполковника: военный корреспондент и кадровый военный.

Советские войска совершили неожиданный марш-бросок, и Ченстохов оказался в тылу. Сандомирско-Силезская операция увенчалась успехом. Госпиталь, обосновавшийся в знаменитой

обители, отступавшие немецкие части не успели эвакуировать, однако, как сообщила разведка, на минирование монастыря времени у них хватило. Позже, после завершения работ, подсчитали, что из-под контрфорсов крепостных стен извлекли более тридцати авиационных бомб с ударными взрывателями. Нашли и мины замедленного действия со взрывателями химическими. Причём они сработали бы лишь через несколько дней, а значит, вину за взрыв монастыря могли бы переложить на советское командование. Самый большой заряд находился под великой святыней — под каплицей с Ченстоховской чудотворной иконой Богородицы.

И Мать Божия явила чудо: Она открыла место минирования, помогла обезвредить бомбы, проводила их в безопасное место. Конечно, действовала Она через конкретных людей: солдат, сапёра Митю, Подполковника, насельников монастыря, через настоятеля обители, а также престарелого, но молодого душой и сердцем монаха Сикста.

Первым делом командированный Подполковник познакомился с настоятелем. Говорил с ним по-французски. Потом появился отец Сикст в качестве переводчика. Кстати, он уточнил, что русский язык знают все старые насельники обители, ведь город Ченстохов и вся Петраковская губерния с конца наполеоновских войн и до большевистской революции входили в состав Российской империи.

У заминированных мест Подполковник поставил часовых, затем отправился на поиски опытных сапёров. Минёра нашли быстро — старший

сержант Митя, Дмитрий, а вот фамилия его Писателю не запомнилась. Голубые глаза. Светлые волосы. Густые, вьющиеся, красивые. Литераторы, склонные искать сравнения на бескрайних русских нивах, назвали бы их пшеничными. Широкие брови и густые усы, закрывавшие даже нижнюю губу, в таком случае можно было бы назвать ржаными.

Писатель соединил новопривывших в пару: синеглазый и голубоглазый.

Сержант начал разминирование. Вот тогда-то Писатель с Подполковником и пошли взглянуть на святыню.

После «явления» ноги сами повлекли военного корреспондента к отцу Сиксту. Его светлое лицо, внимательные глаза, тонкий подвижный рот и манера элегантно, изящно говорить, словно пушкинскими ямбами, нравились Писателю. Монаху было чуть за восемьдесят. Он и выглядел на свои годы, но здоровая худоба, чистая белая кожа, серебристый венец волос и даже непривычная для католиков светлая широкая борода, закрывавшая грудь, придавали ему неожиданную молодость. Молочного цвета сутана с откинутым капюшоном дополняла симфонию белого и серебристого. Такие одеяния — верный признак Ордена паулинов.

Сейчас на его лицо из угасавшего камина падали отблески малиновых углей, между которыми лишь изредка пробивались обессилевшие синеголубые язычки пламени, и порозовевшая левая щека напоминала о том, что и этот благообразный старец был когда-то краснощёким юношей. Что-то ястребино-зоркое пробивалось в его лице,

особенно во взгляде. Сходство с ястребом размылось от времени, но не исчезло совсем. Борода не старила монаха. Снизу он её не подстригал, но на щеках подбривал, и оттого она казалась бутфорской, приклеенной, как это бывает у актёра, доверившегося неопытному гримёру. И вот над этой бородой горделиво выступал чуть загнутый книзу нос с тонко и элегантно вырезанными крылышками ноздрей.

Они сидели напротив друг друга вполоборота, и разделял их не только прогретый камин. По одну сторону — иеромонах Сикст из Ордена паулинов, насельник Ясногорского монастыря, в котором уже несколько столетий хранится чудотворная Ченстоховская икона Пресвятой Богородицы, по другую — советский писатель, военный корреспондент одной из главных газет страны. Справа — старец, всю жизнь отдавший служению Богу и Матери Божией, не мысливший жизни без ежедневной молитвы перед Её чудотворным образом, слева — бывший комсомолец, теперь коммунист, демонстративно называющий себя безбожником. В мягком зелёном кресле восседал просветлённый верой монах в молочно-белых одеяниях, а на резном стуле с высокой, тоже зелёной, спинкой — затянутый в ремни офицер Красной армии в форме защитного цвета. Здесь — спокойное, задумчивое лицо в венчике серебристых, довольно коротких волос, там — взволнованные, даже тревожные глаза почти сорокалетнего человека. Если бы собеседник отца Сикста прочитал эти сравнения или сопоставления, он бы добавил: с одной стороны — длинная,

нестриженная, светлая, в некотором смысле православная борода, с другой — несмотря на походные условия, чисто выбритый волевой подбородок с тёмной продолговатой ямочкой.

А имелось ли что-нибудь такое, что их объединяло? Да! Их тайный союз скреплял интерес к Ченстоховской чудотворной иконе. Только у монаха он был вызван почитанием святого образа, а у офицера — сомнениями: как можно верить в чудотворные иконы?!

Во время невольных пауз в разговоре они потягивали из миниатюрных рюмочек горьковатую монастырскую настойку, скорее, мочили губы в густом напитке. Отец Сикст находился под родным кровом, Писатель же чувствовал себя неудобно: ни в гостях, ни дома. Вероятно, для того, чтобы снять напряжение, монах коротко поведал о том, как попал в монастырь. В ту далёкую пору он, молодой начинающий учитель, преподавал в женской гимназии императрицы Марии Фёдоровны в Варшаве. Сколько раз случались подобные истории! И вот она повторилась. Учитель влюбился в ученицу, она ответила взаимностью. По тем временам, как, впрочем, и по нынешним, — это скандал в благородном семействе. Юную графиню, всю в слезах, отвезли в Париж и скоростно (так выразился отец Сикст) выдали замуж за какого-то французского аристократа. Молодой бедный учитель, потеряв работу, отправился в Ченстохов к родственникам, да так и остался здесь навсегда.

— История моя не нова с любой точки зрения. Сколько раз «он» или «она» уходили в монастырь

по причине несчастной или неразделённой любви?! Сейчас я уверен, что это изначально ложная причина для такого решительного шага. Выбирать монашеский путь надо с молитвой, заглядывая в сердечные глубины. Одно чувство должно заполнять тебя, — старец взглянул на Писателя, — желание служить Богу и служить до конца, до гробовой доски и сени смертной. Сейчас даже смешно: «Ах, вот разлучили с любимой, так я назло всем уйду в монастырь!» Что за ребячество! Но тогда я этого не чувствовал, — отец Сикст и доверчиво, и доверительно улыбнулся.

Писатель решил поддержать разговор:

— Помните, у Толстого в рассказе «Отец Сергей» князь Касатский выбирает монашеский путь тоже по любовной причине?

— Да-да. В том-то и дело. В те времена в изящной словесности герои и героини постригались чаще всего из-за неразделённой или несчастной любви. Возьмите хотя бы «Дворянское гнездо» Тургенева. Вот и Толстой, к сожалению, использовал тот же штамп. А ведь можно быть уверенным: хочешь неправильно начать монашескую жизнь — сбеги в монастырь от несчастной любви. Слава Господу, Он исправил мой путь.

Писателю нравился язык польского монаха. Не случайно приор Ченстоховского монастыря выбрал для связи с советскими военными именно отца Сикста, поскольку тот в своё время преподавал русскую литературу и блестяще говорил на языке империи. Военный корреспондент и сам прекрасно владел родным языком. Хотя до Сталинской премии по литературе оставалось ещё

несколько лет, но Писателя уже отметили, поддержали, наградили. И всё же разницу между языками, на которых они — поляк и русский, монах и писатель — говорили, последний чувствовал иногда очень остро. Особенно ему мешало странное чувство: казалось, что этот старый поляк говорит по-русски лучше него, известного литератора. Пусть иногда слышится лёгкий акцент, пусть встречаются старомодные обороты, но в целом старец говорил на более красивом языке, в своей речи он возрождал художественное слово времён «искусства для искусства». И Писатель не мог не обронить комплимент.

— Вы говорите на удивительном русском языке. Я вам завидую. Пока не могу сформулировать, в чём прелесть вашей манеры выразиться.

Он хотел назвать старца «отцом Сикстом», но язык не поворачивался. Так трудно было принудить себя к естественной, в общем-то, и простой вещи.

— Я вам открою секрет. — Монах тоже избегал называть корреспондента «товарищем подполковником». — Воспитывался я на словесности девятнадцатого века, никогда не читал ежедневных «Правды» или «Известий» и только наслышан об их существовании. Да и советскую литературу я тоже не жалую. Пробовал читать, но это очень тяжело после Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского. Я не специалист, но мне кажется, вы уж простите старика, что советская литература до сих пор носит экспериментаторский характер, а про ваш социалистический реализм мне и сказать нечего.

Писатель сразу же молча согласился с первой мыслью монаха: истоки его элегантного русского языка лежат в девятнадцатом столетии, в классической русской словесности, в её золотом веке. А вот с экспериментальностью соглашаться не хотелось, хотя доля правды имелась и в этом наблюдении.

Военный корреспондент взглянул на руки отца Сикста, сцепленные на коленях, и тут же отвёл глаза. Удивительно пронизателен старый монах. Два дня назад в келье, отведённой Писателю, они также сидели и говорили о том о сём. Может быть, приор монастыря дал задание отцу Сиксту занять советского офицера?

— Имя Сикст, — сказал тогда монах, — должно быть вам знакомо.

Писатель напряжённо вспоминал, откуда он мог знать это имя, но собеседник, не останавливаясь, продолжил:

— На знаменитой «Сикстинской Мадонне» Рафаэля мы видим не только Деву с Младенцем, но и ангелов, и великомученицу Варвару, и...

Старец сделал паузу, и его собеседник с облегчением и удовольствием воскликнул: «Сикста!»

— Да, там изображён святой папа Сикст II, убитый в третьем веке. А вот Сикстинская капелла названа так в честь Сикста IV, который и построил её, но это уже век пятнадцатый.

Мысль Писателя заработала. Тогда-то он и взглянул пристально на руки старца. Перехватив взгляд офицера, тот сначала улыбнулся, а потом откровенно рассмеялся.

— вспомнили легенду о том, что наш Папа получил своё имя потому, что у него на одной руке было шесть пальцев? — спросил он, всё ещё улыбаясь. — И у Рафаэля, кажется, намечен шестой палец.

Корреспондент смешался, но тут же припомнил одну старую статью и уточнил:

— Современные искусствоведы всё же полагают, что у Рафаэля просто так неудачно упала тень, а никакого шестого пальца на знаменитой картине нет. Между прочим, возможно, Рафаэль нарочно так сделал, чтобы оставить зрителя в сомнении: есть шестой палец или всё же нет.

Писатель боялся посмотреть на руки собеседника, чтобы не вызвать его улыбку. Не может же быть, чтобы у всех Сикстов было по шесть пальцев.

Монах решил поставить «реалистическую» точку, чтоб не возвращаться к теме.

— Всё просто. Если не считать святого апостола Петра, Сикст I окажется шестым Папой в истории Рима.

Теперь же Писателю больше всего желалось перейти к разговору о знаменитой чудотворной иконе, но он не находил повода, чтобы сменить тему, коснуться, наконец, тайны католической святыни. Кстати, позже оказалось, что она почитается и православными.

Отец Сикст словно нарочно не заговаривал о главном. И сегодня, как бы забыв о Ченстоховской, он вдруг поднялся, пошевелил покрытые светло-серым пушистым пеплом угли в камине и повёл Писателя в холодную залу, где стояла фисгармония. Без предисловий сел за инструмент,

поработал широкими педалями для ног, заполняя меха, вдохнул разрежённый воздух длинной залы, взял несколько аккордов — и неожиданно зазвучали токката и fuga ре минор. Никогда военный корреспондент не слышал такого исполнения. Мать любила Баха, и Писателю с детства были привычны сочетания звуков, которые знал весь мир и заслушивался ими уже в течение многих столетий. В единственном слушателе ожили детские воспоминания, но теперь он воспринимал великую музыку по-другому. И звучала фисгармония, а не орган.

В начале, в первых аккордах, слышится призыв, но он не принуждает, а приглашает. И как солдатский горн, он созывает солдат после привала, и как пастушеский рожок, он собирает стадо, забывшее о пастыре. Словно фисгармония на разные лады воспевает: «Приидите ко Мне... и Аз упокою вы». На такое святое музыкальное призывание невозможно не откликнуться.

Ещё несколько аккордов, и происходит неожиданная смена места и темы. Надо сделать мысленный шаг, чтобы тут же оказаться на берегу звенящего ручья, который перекачивает прозрачную воду по мелкой гальке и журчит, журчит, иногда лопочет о чём-то, известном только ему. «Кажется, Бах на немецком значит “ручей”», — успевает подумать Писатель, и музыка захватывает его, а фисгармония захлёбывается звуками токаты, написанной для органа.

— Если когда-нибудь мы и причислим кого-нибудь лютеранина к лику святых или блаженных, то это будет Иоганн Себастьян Бах!